

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дейкун И.Д. "Рукописность" и "черновиковость". Критический анализ розановедческих понятий // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75564 EDN: TVXNIR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75564

"Рукописность" и "черновиковость". Критический анализ розановедческих понятий

Дейкун Илья Дмитриевич

ORCID: 0009-0002-9809-1010

преподаватель; кафедра гуманитарных и естественно-научных дисциплин; Московский институт психоанализа
коисполнитель; кафедра "Теоретическая и историческая поэтика"; Российский Государственный
Гуманитарный Университет

125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6, каб. 405

✉ iliariy@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75564

EDN:

TVXNIR

Дата направления статьи в редакцию:

18-08-2025

Аннотация: Предметом статьи являются два смежных розановедческих понятия: "рукописность" и "черновиковость", которые применяются для обозначения специфики наиболее своеобразных в стилистическом плане текстов В.В. Розанова, "Уединенного", "Опавших листьев", "Сахарны", "Мимолетного", "Последних листьев", "Апокалипсиса нашего времени", но в большей степени первых двух. "Рукописность", заявленная самим В.В. Розановым, и развитая А.Д. Синявским, была призвана обозначить не прямой факт "написания от руки", но установку на медиальную непосредственность отображения авторского творческого акта, имитирующего незавершенность черновой рукописи. Отсюда С.Р. Федякиным в 90-е годы была выведена "черновиковость" как спецификация "рукописности", разработана целая теория черновика как среды, в которой овнешняется внутренняя речь. Черновиковость генетически следует из рукописности, но вне розановедения практически не используется. Таким образом через эти понятия изучается специфика этого литературоведческого направления. В статье используются

методологический анализ, с помощью которого возможен анализ литературоведческого подхода, включая конструируемый в его рамках теоретический объект. Анализируются ключевые посылки подхода, тестируется непротиворечивость теоретических положений. Используются также элементы методологии истории понятий для концептуализации генетического следования черновиковости из рукописности. Новизна данного исследования состоит в исчерпывающем описании функционирования понятий рукописности и черновиковости в отечественном литературоведении, включающем также определение их значения, их эвристической, теоретической ценности. Эксплицированы теоретические предпосылки, которые обеспечивают нужду в этих понятиях. Проведено последовательное сравнение теоретического смысла этих понятий в розановедении, с одной стороны, и дневниковедении, стиховедении и смежных направлений, с другой. Проанализированы практически все тексты, в которых эти понятия используются. Выяснено, что рукописность вне розановедения склонна буквализироваться, обозначать написанное от руки, но не являющееся рукописью, а в розановедении – становиться метафорой и включаться в новые метаязыки, постструктураллистский и рецептивной эстетики. Черновиковость же используется в розановедении для обозначения авторского присутствия, парадоксальной непосредственности авторского "я" в тексте, но предполагает обязательную аксиому художественно-эстетической природы упомянутых произведений. Вне розановедения, например в дневниковедении, черновиковость становится метафорой.

Ключевые слова:

В.В. Розанов, черновиковость, черновик, рукописность, жанр, розановедение, методологический анализ, методология литературоведения, история понятий, художественность

Введение

В русскоязычном розановедении наблюдается сложная ситуация в области определения специфики таких произведений В.В. Розанова, как "Уединенное", "Опавшие листья", "Сахарна", "Последние листья". В них идентифицируется противоположные по критерию эстетически-художественной ценности жанры, их стиль характеризуется как художественный и как религиозный, авторское "я", по мнению одних исследователей, непосредственно референтно к реальной исторической личности, по мнению других – как бы раздваивается в себе, становится автореферентным, что свойственно фикциональному и автофикациональному текстам, господствующий дискурс определяется то как лирический, то как медитативный. До сих пор нет исследовательского консенсуса, с помощью какой методологии и что должно брать объектом розановедческое исследование, например, поэтики произведения, если оно художественно, возможно ли такое исследование вообще.

Одним из основных направлений розановедения, в рамках которого проводится аргументация в пользу художественно-эстетического статуса "Уединенного" и "Опавших листьев", является их рассмотрение через призму их "рукописности", "черновиковости", которая обеспечивает как раз двойное, автореферентное и референтное выражение авторской субъектности, то есть сохраняет и эстетическую дистанцию, без которой в классической эстетике невозможен эстетический объект, и обозначает, как В.В. Розанов преодолевает ее. Это является ключевым аргументом данного направления. Понятие "черновиковости" логически следует из "рукописности", является наиболее полной

аналитической разработкой последнего.

Если “рукописность” обозначена в самохарактеризации автора “Уединенного” и “Опавших листьев”, так сам В.В. Розанов говорит, что “мое “Я” только в рукописях, да “я” и всякого писателя” [\[1, с. 9\]](#) или “таким образом, “рукописность” души, врожденная и неодолимая, отнюдь не своевольная и не приобретенная, и дала мне тон “У.” [\[1, с. 133\]](#); то “черновиковость” берет свое начало с первых научных рецепций творчества Розанова в постсоветской науке, с 90-х годов. Само хронологическое качество делает это направление исследований достаточно авторитетным. Однако, на наш взгляд, несмотря на ряд работ прямо или косвенно, развивающих это понятие в 00-х, 10-х годах XXI века, оно остается весьма туманным, если не вовсе избыточным, а ключевой аргумент, валидный только, если мы признаем “черновиковость”, не работает.

В данном исследовании мы воспользуемся рядом методологических инструментов. Во-первых, прибегнем к гуманитарному методологическому анализу, про который О. Ханзен-Лёве пишет, что “его предмет сам является теорией и методом, которые в свою очередь, располагают собственным “научным объектом” (объектом второго порядка)” [\[2, с. 5\]](#). Наше исследование также вписывается в инициированный В.В. Куриловым проект дисциплины “литературоведческого терминоведения” [\[3, 2016\]](#). Во-вторых, за стандарт мы берем трехступенчатую модель научной теории, разработанную в отечественной философии науки, которая выделяет уровень научной картины мира, теоретический уровень и эмпирический уровень знаний [\[4, с.12-13\]](#). Наконец, мы, рассматривая проблему в исторической перспективе, пользуемся инструментарием истории понятий как дисциплины “предполагающей изменения значений слов”, по которым прослеживается “трансформация культурных парадигм, дискурсов и эпистем” [\[5, с. 27\]](#), ценность которого на столь короткой временной дистанции обусловлена информационной перенасыщенностью и тем, что мы бы назвали “культурой поворотов”, а также, если можно так сказать, кризисом “метанаучной” экспертизы в рамках междисциплинарной коммуникации. Результатом подобного положения вещей становится то, что даже “в проброс” введенные или вовсе ошибочные понятия, входя в область внимания исследователей из пограничных данной дисциплине областей науки, за счет цитирования набирают авторитет и формируют традиции, зачастую уводящие в тупик. Поэтому необходимо упорядочивание дисциплинарного ландшафта, скрупулезная научная критика.

Обсуждение вопроса

Во введении мы указали на две самохарактеризации “рукописности” своего творчества, осуществленные В.В. Розановым в “Уединенном”. Этот ряд можно было бы продолжить, но для нас важнее то, какой научный объект конструируют из ряда розановских самохарактеристик литературоведы. На рукописность в одном из первых серьезных исследований, посвященных конкретно “Опавшим листьям”, обратил внимание А.Д. Синявский. Однако, говоря о “рукописности” А.Д. Синявский, переходит в литературно-критический, риторический регистр письма, передает пафос “интимности”, “мимолетности, мгновенности” [\[6, с. 115\]](#). Это не анализ, а попытка вербализовать интуицию особой значимости “рукописности” с помощью ряда синонимичных ему субстантивированных прилагательных. Синявский не предлагает ни методологии, ни метаязыка. В его работе “рукописность” не является предметом, а служит дополнительным качеством розановского письма, указывающим на его лиричность при его документальности. Синявский исходит из аксиомы нехудожественности

“Уединенного”, для него “документальность книги не вызывает ни малейших сомнений” [\[6, с. 137\]](#), но этот документ, по Синявскому, через авторское отношение к факту, индикатором которого служит как раз “интимность”, приобретает некоторое эстетическое качество: читатель улавливает восхищение автора красотой документа.

В современном литературоведении Н.К. Кашина первая усмотрела родство “рукописности” В.В. Розанова с постструктураллистской попыткой развенчать миф литературного языка [\[7, с. 207\]](#). В попытке найти методологическую рамку заключается ценность и продуктивность данного исследования. Но она ей не ограничивается. Кашина выделяет дополнительные аспекты “рукописности”. Она обращает внимание на то, что “рукописность” как понятие может “снабжать метафоричностью”, но Розанов “настаивает на буквальном прочтении” [\[7, с. 207\]](#). Далее через ссылку на Бонди, раскрывает связь “рукописности” и “черновика” как текста, являющего динамику собственного развития. Для понимания последнего сразу находится метаязык: черновик — это постструктураллистский “текст-письмо” [\[7, с. 210\]](#). В дальнейших исследованиях, например в статье “О границах и горизонтах формализма” 2010 года, Н.К. Кашина, контекстуализирует розановское творчество более точно и, исходя из его же философской работы “О понимании”, говорит о религиозном истоке розановского “отказа от художественности” [\[8, с. 81\]](#), присоединяется к ряду исследователей, говорящих не о художественной форме, а о религиозном стиле (отчасти Орлицкий, 2002, особенно В.Я. Сарычев 2017). Очевидно, что приведя розановскую рукописность в русло, образуемое постструктураллистской парадигмой, Кашина для себя и для других исследователей закрывает данную научную проблему: последующая разработка “рукописности” должна расследовать “ризоматичность”, “открытый текст”, “телесность” и другие еще фронтирные для розановедения темы. В этом ощутимый научный вклад ее исследований. Но вместе с этим “рукописность” превращается при таком подходе в метафору, а исследователям требуется для продуктивной работы с ней принять ряд предпосылок: во-первых, структураллистский тезис о функциональной природе всех элементов текста как структуры, во-вторых, постструктураллистский антитезис о подвижности и постоянной игре взаимоотношений, образующих значения и смысл этой структуры, которая объявлена “децентрированной” [\[9, с. 206\]](#), об “открытости структуры”, и тогда выйти к игре соозначений текста и контекста. Что вступает в противоречие с последующей программой исследовательницы по изучению религиозного стиля, требующей определенности и абсолютности смысла и прямого отношения текста к субъекту и реальности. А последнее отменяет постструктураллистскую идентификацию в ранней ее статье. В итоге ее розановедческая траектория разделяется на две противоречивые стадии, отменяющие одна другую. В следствие чего возникает вопрос, так ли эвристически полезна операция идентификации “рукописности” в постструктураллистском ключе. Практически все прочие исследования рукописности В.В. Розанова ограничиваются либо простым нерефлексивным упоминанием этого понятия, сводящего его до метафоры, как, например, работа Н.Л. Блища, где анализируются ориентированные на розановскую “рукописность”, “интимность мысли” произведения А. Терца [\[10, с. 10\]](#), либо рассматривают его как, опять же смутно вербализуемое, качество иных жанров, например дневника, или точнее, “дневниковой” [\[11, с. 56\]](#). Маслин прямо устанавливает тождество между рукописностью и “эпистолярностью”, которые также не подводятся ни под какую научно-аналитическую категорию (12, с. 105). В нерозановедческих исследованиях рукописность перестает быть метафорой. Так, А.А. Житенев говорит о рукописности поэтических зинов [\[13, с. 195\]](#), которые, в самом деле, написаны материальной, находящейся в действительности, рукой поэта, конкретной

исторической личности. В своей последней розановедческой статье, Е.М. Криволапова возвращается к написанию рукописности в кавычках (Криволапова, 2021), что говорит о том, что прогресса в спецификации понятия в этой словоформе не наблюдается. Вместе с этим следует обратить внимание на свежую статью И.А. Едошиной, которая напоминает розановедам, что одна из самых цитируемых ими автохарактеристик Розанова, а именно его подзаголовок к "Уединенному" "почти на правах рукописи" является, на самом деле, пометкой, которой в чиновном мире обозначивались "документы для внутреннего пользования" [14, с. 170], и что Розанову это было известно. С другой стороны, в последних исследованиях намечается поворот к интерпретации рукописности как "телесности" (Дефье, 2021, Смирнова 2024), что может быть искомым постструктуральным и, в целом, фронтальным развитием этой проблемы. Так, Н.Н. Смирнова помещает Розанова в контекст эстетических поисков философами и писателями подлинного выражения, через "персонификацию сотворенного" посредством "зримого и телесного" [15, с. 37]. Здесь можно было бы обратиться к концепту "производства присутствия" Х.У. Гумбрехта, и определить рукописность как комплекс средств, усиливающих "воздействие "присутствующих" объектов на человеческие тела" [16, с. 10] по принципу, который может быть раскрыт через внимание к однородности индексов телесности, оставляемых В.В. Розановым, например, в "Уединенном", и реальной телесности читателя. Но это лишь перспектива отдельного исследования. Рукописность же как таковая ни Смирновой, ни Дефье, ни кем бы то ни было, кроме А.Д. Синявского, Н.К. Кашиной, отчасти Е.М. Криволаповой, не становится центральной темой. В этом сказывается непродуктивность этого понятия, которое слишком быстро становится трюизмом, а в розановедении вливается в более общие темы, и не улавливает специфики розановского стиля и жанра.

Наиболее полной попыткой создать из "рукописности" В.В. Розанова интерпретативную теорию стал проект исследования "черновиковости", исходя из которой объяснялся бы художественный статус, жанр, стиль и субъектная структура "Уединенного" и других подобных произведений В.В. Розанова. Создателем этой теории и практически единственным ее активным сторонником является С.Р. Федякин. Он разрабатывал понятие "черновиковости" сперва в нерецензируемых изданиях "Независимой газеты" (1993), "Лепты" (1994) и др. Первой научной публикацией, где отчетливо развито это понятие, стала диссертация исследователя "Жанр "Уединенного" в русской литературе XX века" (1995). В ней, также отталкиваясь от интуиций А.Д. Синявского, Федякин формулирует основные теоретические принципы изучения черновиковости. Во-первых, исследователь требует принять черновик в более широком смысле как литературное явление [17, с. 53]. Этот шаг, на наш взгляд обладает эвристической ценностью, особенно проявившейся в статье того же автора 2008 года, где "черновик" и "черновиковость" призвана ухватить множество пограничных художественной литературе жанров, причем эта категория помогает выстроить определенную градацию по степени "черновиковости" как, уточнили бы мы, референции к виртуальным объектам замысла от дневника "еще не вполне черновика", до записной книжки и наброска [18, с. 60]. Отсюда и, на наш взгляд вполне продуктивная идентификация "уединенной" розановской литературы как "фрагментов", которые по критерию черновиковости являются "набросками" [19, с. 61]. О "Уединенном" и "Опавших листьях" как о фрагментах, миниатюрах до С.Р. Федякина и после него говорили очень многие исследователи, он же уточняет, что это именно наброски. Для закрытия теоретического вопроса исследователю требовалось уточнить "черновиковость" наброска и переформулировать проблему в рамках инодисциплинарного метаязыка, как это сделала Н.К. Кашина, что С.Р. Федякин и

осуществляет, предлагая второе допущение. Речь идет о усмотрении черновика как среды, в которой “внутренняя речь” может быть выражена письменно [\[17, с. 58\]](#).

Внутренняя речь — это термин Л.С. Выготского, в диссертации С.Р. Федякина дается следующий перифраз его определения: “внутренняя речь — это речь, обращенная к себе, через внутреннюю речь рождается наша мысль”, и далее: “главнейшей характеристикой этой речи будет ее краткость и сжатость” [\[17, с. 56\]](#). Здесь видно по какому критерию литературовед готовится уравнять черновик и внутреннюю речь: этот критерий синтаксической и лексической эллиптичности. Отсюда вывод, что раз в “Уединенном” мы видим обилие недоговоренностей, скобок и сокращений, это черновиковое произведение, и в нем черновиковость является “внутреннюю речь, выраженню письменно” [\[17, с. 58\]](#), то есть в типологию Выготского добавляется еще один тип. Но именно здесь становится неизвестно, каков критерий вычленения этого типа. Ведь у Выготского им был как раз способ медиации и контекста речи: мысль, знаковая система письма, звук голоса. Принцип посредования диктует принцип экономии сил. Более того, психолог уже предусмотрел вариант “внешней внутренней речи”, сказав, что “если бы она даже сделалась слышимой для постороннего человека, осталась не понятной никому, кроме самого говорящего, так как никто не знает психического поля, в котором она протекает” [\[20, с. 233\]](#). Сам С.Р. Федякин в диссертации оговаривается: “разумеется, ни одно художественное произведение, ни произведение вообще не может быть написано одними такими “загадочными формулами”. Особенности внутренней речи каждого человека, надо полагать, также неповторимы, также уникальны, как отпечатки пальцев” [\[17, с. 58\]](#). И, кажется, на этом данное допущение о выраженной “внутренней речи” должно быть отброшено как невозможное. Но исследователю оно необходимо, чтобы концептуально решить одну из ключевых проблем розановских “Уединенного”, “Опавших листьев” и других подобных произведений: проблему “образа автора”. Так как ключевой аксиомой всего федякинского проекта является художественно-эстетический статус “Уединенного” в классическом смысле эстетического объекта, то автор должен быть вненаходим, по крайней мере по М.М. Бахтину, которого исследователь цитирует: “Мы чувствуем его (автора — С.Ф.) во всем как чистое изображающее начало (изображающий субъект), а не как изображаемый (видимый) образ” (17, с. 71). В то же время это полностью противоречит проговоренной В.В. Розановым интенции выразить себя всего. Это противоречие исследователи направления, которое мы окрестили выше “теорией религиозного стиля”, решают, попросту отказываясь от аксиомы художественности “Уединенного”, относя его к религиозно-философской прозе. С.Р. Федякин же пытается сделать невозможное, вместить интенциально являющегося авторского субъекта в категорию авторской вненаходимости. Отсюда появляются интуитивные парадоксы удвоения: “сдвоенная речь” “одновременно “для себя” и “для других” [\[19, с. 61\]](#), где в референции к актам собственного сознания это сознание явлено непосредственно, как в нехудожественной прозе, но при этом коммуникативно обращено к читателю и поэтому художественно, хотя это вовсе не критерий художественности. В монографии 2014 года, основанной на диссертации, появляется упрямый оксюморон “письменная внутренняя речь” [\[19, с. 51\]](#). Здесь видится, что С.Р. Федякин в своей интуиции осуществил ценную ошибку: в категории классической эстетики, если теоретик желает видеть в “Уединенном” художественно-эстетический объект, розановская фигура автора не укладывается. К.В. Першина в статье 2016 года обратилась именно к этой проблеме, но пришла к выводу, что даже при неклассическом допущении автора и героя не как готовых и постоянных ролей в структуре произведения, а как перемежающихся нестационарных состояний, все равно “жанры, находящиеся на периферии

художественного как такового — документальные жанры дневника, воспоминаний, мемуаров, только приобретающий свой художественный статус жанр эссе проявляют способность восстановить не искусственно-игровую, а онтологическую сущность эстетического”^[21, с. 30], то есть “элемент эстетического” даже “в документальной прозе также соотносим только с возможностью и полноценностью вненаходимой позиции автора по отношению к бытию в данный конкретный момент...”^[21, с. 31]. Но, по всей видимости, требуется провести более подробную ревизию концептов неклассической эстетики, чтобы найти то, что подсказывает нам ценная интуиция С.Р. Федякина, реализованная в его теоретических построениях.

В смежных розановедению исследованиях понятие “черновиковости” используется редко и без четкого определения. В стиховедческих работах она побочная метафора, риторический прием научной прозы, в большинстве своем встречается в рецензиях или в ссылках на рецензии (Матвеева, 2018, Ямпольская, 2021, Гадзонио 2022, Павловец, 2025). Более существенную роль оно играет в исследованиях дневника, но в основном благодаря статье К.А. Зацепина, который ввел его для характеристики “качества внутренней незавершенности, неструктурированности и “черновиковости”^[22, с. 208], причем единожды и в кавычках. Все последующие употребления этого понятия в русскоязычном дневниковедении даны с ссылкой на этого исследователя. Из очерченной картины можно сделать вывод, что “черновиковость” вне розановедения вообще непродуктивное понятие, теряющее теоретический статус и превращающееся в метафору.

Заключение

“Рукописность” и “черновиковость” являются ценными понятиями только в литературоведческом розановедении и только в рамках определенных дискурсов. Если “рукописность” смогла получить тематизацию благодаря исследовательской ситуации, в которой имело место нерефлексивное доверие к авторской самохарактеризации, и во многом опиралось на специфическую традицию эмигрантского литературоведения, то “черновиковость” явилась отечественной разработкой, правда, экспериментального типа. Судьба этих двух понятий разная. Рукописность прозы Розанова после монографии А.Д. Синявского и более поздней попытки Н.К. Кашиной описать ее в терминах постструктурализма так и осталась метафорой, а вне розановедения — метафорой или констатацией факта написанности от руки. Черновиковость же является прежде всего проектом одного конкретного исследователя С.Р. Федякина, выражает продуктивную интуицию, которую следует проверить в рамках неклассической эстетики. В теории же самого Федякина содержится фундаментальное противоречие: она является письменной внутренней речью, что в теории Л.С. Выготского, на метаязык которой Федякин опирается, оксюморон, а вне ее туманная, ничего не объясняющая метафора. Вне розановедения “черновиковость” также используется как метафора и также единственным исследователем жанра дневника К.А. Зацепиным, но полноценной теории черновиковости в дневниковедении не существует. В целом, данные два понятия ценные как след определенного гуманитарного дискурса, и как указатель на возможные ходы постструктуралистского, рецептивно-теоретического исследования жанра и стиля прозы В.В. Розанова в рамках неклассической эстетики.

Библиография

1. Розанов В.В. Собрание сочинений. Листва / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, СПб.: Росток, 2010. – 591 с.
2. Ханзен-Лёве О.А. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на

- основе принципа остранения / Пер. с нем. С.А. Ромашко. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 672 с.
3. Курилов В.В. Литературоведческое терминоведение. *Stephanos*. М.: МГУ, 2016. № 1 (15). С. 74-79. EDN: VMMZEP
4. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
5. Кагарлицкий Ю.В., Маслов Б.П. Между Фреге и Фуко: методологические ориентиры исторической семантики // Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 9-39.
6. Синявский А.Д. "Опавшие листья" В.В. Розанова. Париж: "Синтаксис", 1982. 340 с.
7. Кашина Н.К. "Рукописность" В. Розанова и "Воплощенная множественность" Р. Барта (диалог совпадений) // Культура и текст. 2001. № 6. С. 206-212. EDN: PJZEBZ
8. Кашина Н.К. О границах и горизонтах формализма (к проблеме восприятия розановских текстов) // Вестник КГУ. 2010. № 4. С. 79-84.
9. Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. Москва: Интранда – ИНИОН, 1999. С. 204-210.
10. Блищ Н.Л. Авторская маска как проводник стилевых стратегий: от А. Ремизова к А. Синявскому (А. Терцу) / Н.Л. Блищ // Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2012. – № 1. – С. 6-11.
11. Криволапова Е.М. "Бытовой" и "литературный факт" в эстетическом сознании В.В. Розанова / Е.М. Криволапова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1(28). – С. 51-57. EDN: YPOBPA
12. Маслин М.А. Первый русский блоггер до эпохи Интернета. Еще раз о рукописности философии Василия Розанова / М.А. Маслин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Т. 18, № 2. – С. 104-112. EDN: YTVOJR
13. Житенев А.А. "Книга поэта" как "Книга художника": "Imago" Д. Дмитриева / А.А. Житенев // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 192-203. DOI: 10.26170/FK20-02-17 EDN: HDBSNI
14. Едошина И.А. "Уединенное" Василия Розанова, или Жизнь НЕ как она есть / И.А. Едошина // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 6(129). – С. 167-175. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-6-129-167-175 EDN: AHTCZW
15. Смирнова Н.Н. Зримое и телесное как невыразимое (Федоров-Толстой-Шестов-Розанов-Шкловский) / Н.Н. Смирнова // Соловьевские исследования. – 2024. – № 2(82). – С. 35-44. DOI: 10.17588/2076-9210.2024.2.035-044 EDN: HMJJYK
16. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Пер. с англ. С. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
17. Федякин С.Р. Жанр "Уединенного" в русской литературе XX века: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Москва, 1995, 177 с.
18. Федякин С.Р. "Розановское наследие" и явление "парижской ноты" / С.Р. Федякин // Литературоведческий журнал. – 2008. – № 22. – С. 51-111. EDN: JJPMMH
19. Федякин С.Р. Художественная проза Василия Розанова. Жанровые особенности. Москва: Литературный институт им. А.М. Горького, 2014. 106 с.
20. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Издательство "Лабиринт", 1999. 352 с.
21. Першина К.В. Проблема эстетической дистанции в произведении неклассического типа // Литературоведческий сборник. Вып. 55-56 : Актуальные проблемы филологии : материалы международной научной конференции, г. Донецк, 24 мая 2016 / Донецкий национальный университет. – Донецк : ДонНУ, 2016. С. 28-36. EDN: YNYOWF
22. Зацепин К.А. "Мыслить литературой" или эссе как художественный феномен / К.А. Зацепин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. –

2007. – № 2. – С. 195-209.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена анализу розановедческих понятий «рукописность» и «черновиковость». Актуальность работы обусловлена интересом научного сообщества как к наследию Василия Васильевича Розанова, литературного критика и публициста, одного из самых противоречивых русских философов XX века («до сих пор нет исследовательского консенсуса, с помощью какой методологии и что должно брать объектом розановедческое исследование, например, поэтики произведения, если оно художественно, возможно ли такое исследование вообще»), так и к одному из основных направлений розановедения, а именно: к рассмотрению его творчества «через призму «рукописности», «черновиковости», которая обеспечивает как раз двойное, автореферентное и референтное выражение авторской субъектности, то есть сохраняет и эстетическую дистанцию, без которой в классической эстетике невозможен эстетический объект».

Теоретическую основу исследования составили труды по русскому формализму; вопросам интертекстуальности; изучению наследия Василия Розанова и др. Библиография насчитывает 22 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Автор(ы) проводят критический анализ существующих научных трудов, сопровождая свою позицию убедительной аргументацией («На рукописность в одном из первых серьезных исследований, посвященных конкретно «Опавшим листьям», обратил внимание А.Д. Синявский. Однако, говоря о «рукописности» А.Д. Синявский, переходит в литературно-критический, риторический регистр письма, передает пафос «интимности», «мимолетности, мгновенности» [6, с. 115]. Это не анализ, а попытка вербализовать интуицию особой значимости «рукописности» с помощью ряда синонимичных ему субстантивированных прилагательных. Синявский не предлагает ни методологии, ни метаязыка»).

С учётом специфики предмета, объекта и поставленной цели применяются общенаучные методы анализа и синтеза; литературоведческий и художественный анализы, сравнительно-исторический метод, интерпретативный и текстуально-герменевтический анализы, методы дискурсивного, когнитивного, жанрового анализа и др.

В рамках исследования проведен серьезный критический анализ изучаемой проблемы, позволивший сформулировать ряд обоснованных выводов относительно изучаемых понятий, которые, по мнению автора(ов) «являются цennыми понятиями только в литературоведческом розановедении и только в рамках определенных дискурсов». Отмечено, что «рукописность прозы Розанова после монографии А. Д. Синявского и более поздней попытки Н. К. Кашиной описать ее в терминах постструктурализма так и осталась метафорой. Черновиковость же является прежде всего проектом одного конкретного исследователя С. Р. Федякина, выражает продуктивную интуицию, которую следует проверить в рамках неклассической эстетики».

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования неоспоримы и обусловлены его вкладом в розановедение в целом и в изучение понятий «рукописность» и «черновиковость» в частности; полученные результаты могут применяться в последующих научных изысканиях и в вузовских курсах по теории

литературы; теории интертекстуальности; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных наследию Василия Васильевича Розанова и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию.

Статья «“Рукописность” и “черновиковость”. Критический анализ розановедческих понятий» является высококачественным научным исследованием; оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».